Михаил Юрьевич

ЛЕРМОНТОВ

М. Лермонтов

Собрание сочинений

Монго

Михаил Юрьевич Лермонтов

Михаил Юрьевич Лермонтов. Монго
Примечания

Михаил Юрьевич Лермонтов
Монго

Садится солнце за горой,
Туман дымится над болотом,
И вот дорогой столбовой
Летят, склонившись над лукой,
Два всадника лихим полетом.
Один – высок и худощав,
Кобылу серую собрав,
То горячит нетерпеливо,
То сдержит вдруг одной рукой.
Мал и широк в плечах другой.
Храпя мотает длинной гривой
Под ним саврасый скакунок,
Степей башкирских сын счастливый.
Устали всадники. До ног
От головы покрыты прахом.
Коней приезженных размахом
Они любуются порой
И речь ведут между собой.

– Монго, послушай – тут направо!
Осталось только три версты.
– Постой! уж эти мне мосты!
Дрожат и смотрят так лукаво.
– Вперед, Маёшка! только нас
Измучит это приключенье,
Ведь завтра в шесть часов ученье!
– Нет, в семь! я сам читал приказ!

Но прежде нужно вам, читатель,
Героев показать портрет:
Монго – повеса и корнет,
Актрис коварных обожатель,
Был молод сердцем и душой,
Беспечно женским ласкам верил
И на аршин предлинный свой
Людскую честь и совесть мерил.
Породы английской он был —
Флегматик с бурыми усами,
Собак и портер он любил,
Не занимался он чинами,
Ходил немытый целый день,
Носил фуражку на-бекрень;

Имел он гадкую посадку:
Неловко гнулся наперед
И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот.
Но если, милый, вы езжали
Смотреть российский наш балет,
То верно в креслах замечали
Его внимательный лорнет.
Одна из дев ему сначала
Дней девять сряду отвечала,
В десятый день он был забыт, —
С толпою смешан волокит.
Все жесты, вздохи, объясненья
Не помогали ничего...
И зародился пламень мщенья
В душе озлобленной его.

Маёшка был таких же правил:
Он лень в закон себе поставил,
Домой с дежурства уезжал,
Хотя и дома был без дела;
Порою рассуждал он смело,
Но чаще он не рассуждал.

Разгульной жизни отпечаток
Иные замечали в нем;
Печалей будущих задаток
Хранил он в сердце молодом;
Его покоя не смущало, —
Что не касалось до него;
Насмешек гибельное жало
Броню железную встречало
Над самолюбием его.
Слова он весил осторожно
И опрометчив был в делах;
Порою: трезвый – врал безбожно,
И молчалив был – на пирах.
Характер вовсе бесполезный
И для друзей и для врагов...
Увы! читатель мой любезный,
Что делать мне – он был таков!

Теперь он следует за другом
На подвиг славный, роковой,
Терзаем пьяницы недугом, —
Изгагой мучим огневой.
Приюты неги и прохлады

Вдоль по дороге в Петергоф,
Мелькают в ряд из-за ограды
Разнообразные фасады
И кровли мирные домов,
В тени таинственных садов.
Там есть трактир... и он от века
Зовется Красным Кабачком,
И там – для блага человека
Построен сумасшедших дом,
И там приют себе смиренный
Танцорка юная нашла.
Краса и честь балетной сцены,
На содержании была:
N. N., помещик из Казани,
Богатый волжский старожил,
Без волокитства, без признаний
Ее невинности лишил.
– Мой друг! ему я говорил:
Ты не в свои садишься сани,
Танцоркой вздумал управлять!
Ну где тебе <...>

Но обратимся поскорее

Мы к нашим буйным молодцам.
Они стоят в пустой аллее,
Коней привязывают там,
И вот, тропинкой потаенной,
Они к калитке отдаленной
Спешат, подобно двум ворам.
На землю сумрак ниспадает,
Сквозь ветви брежжит лунный свет
И переливами играет
На гладкой меди эполет.
Вперед отправился Маёшка;
В кустах прополз он, как черкес,
И осторожно, точно кошка,
Через забор он перелез.
За ним Монго наш долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-как.
Ну, лихо! сделан первый шаг!
Теперь душа моя в покое, —
Судьба окончит остальное!

Облокотившись у окна,
Меж тем танцорка молодая

Сидела дома и одна,
Ей было скучно и зевая
Так тихо думала она:
«Чудна судьба! о том ни слова, —
На матушке моей чепец
Фасона самого дурного,
И мой отец – простой кузнец!..
А я – на шелковом диване
Ем мармелад, пью шоколад;
На сцене – знаю уж заране, —
Мне будет хлопать третий ряд.
Теперь со мной плохие шутки:
Меня сударыней зовут,
И за меня три раза в сутки
Каналью повара дерут,
Мой Pierre не слишком интересен,
Ревнив, упрям, что ни толкуй,
Не любит смеху он, ни песен,
Зато богат и глуп, <...>
Теперь не то, что было в школе:
Ем за троих, порой и боле,
И за обедом пью люнель.

А в школе... Боже! вот мученье!
Днем – танцы, выправка, ученье,
А ночью – жесткая постель.
Встаешь, бывало, утром рано,
Бренчит уж в зале фортепьяно,
Поют все врозь, трещит в ушах;
А тут сама, поднявши ногу,
Стоишь, как аист, на часах.
Флёри хлопочет, бьет тревогу...
Но вот одиннадцатый час,
В кареты всех сажают нас.
Тут у подъезда офицеры,
Стоят все в ряд, порою в два...
Какие милые манеры
И всё отборные слова!
Иных улыбкой ободряешь,
Других бранишь и отгоняешь,
Зато – вернулись лишь домой —
Директор порет на убой:
Ни взгляд не думай кинуть лишний,
Ни слова ты сказать не смей...
А сам, прости ему всевышний,

Ведь уж какой прелюбодей!..»

Но тут в окно она взглянула,
И чуть не брякнулась со стула.
Пред ней, как призрак роковой,
С нагайкой, освещен луной,
Готовый влезть почти в окошко,
Стоит Монго, за ним Маёшка.
«Что это значит, господа?
И кто вас звал притти сюда?
Ворваться к девушке – бесчестно!..»
– Нам право это очень лестно!
«Я вас прошу: подите прочь!»
– Но где же проведем мы ночь?
Мы мчались, выбились из силы...
«Вы неучи!» – Вы очень милы!..
«Чего хотите вы теперь?
Ей-богу, я не понимаю!»
– Мы просим только чашку чаю!
«Панфишка! отвори им дверь!»
Поклон отвесивши пренизко,
Монго ей бросил нежный взор,
Потом садится очень близко

И продолжает разговор.
Сначала колкие намеки,
Воспоминания, упреки,
Ну, словом, весь любовный вздор...
И нежный вздох прилично-томный
Порхнул из груди молодой...
Вот ножку нежную порой
Он жмет коленкою нескромной,
И говоря о том, о сем,
Копаясь, будто бы случайно
Под юбку лезет, жмет корсет,
И ловит то, что было тайной,
Увы, для нас в шестнадцать лет!

.....

Маёшка, друг великодушный,
Засел поодаль на диван,
Угрюм, безмолвен, как султан.
Чужое счастие нам скучно,
Как добродетельный роман.
Друзья! ужасное мученье
Быть на пиру <...>

Иль адъютантом на сраженьи
При генералишке пустом;
Быть на параде жалонёром,
Или на бале быть танцором,
Но хуже, хуже во сто раз
Встречать огонь прелестных глаз
И думать: это не для нас!

Меж тем Монго горит и тает…
Вдруг самый пламенный пассаж
Зловещим стуком прерывает
На двор влетевший экипаж:
Девятиместная коляска
И в ней пятнадцать седоков…
Увы! печальная развязка,
Неотразимый гнев богов!..
То был N. N. с своею свитой:
Степаном, Федором, Никитой,
Тарасом, Сидором, Петром,
Идут, гремят, орут, содом!
Все пьяны… прямо из трактира,
И на устах – <…>
Но нет, постой! умолкни лира!

Тебе ль, поклоннице мундира,
Поганых фрачных воспевать?..
В истерике младая дева...
Как защититься ей от гнева,
Куда гостей своих девать?..
Под стол, в комод иль под кровать?
В комоде места нет и платью,
Урыльник полон под кроватью...
Им остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть в окно...
Опасен подвиг дерзновенный,
И не сносить им головы!
Но вмиг проснулся дух военный —
Прыг, прыг!.. и были таковы...

.....
.....

Уж ночь была, ни зги не видно,
Когда свершив побег обидный
Для самолюбья и любви,
Повесы на коней вскочили
И думы мрачные свои

Друг другу вздохом сообщили.
Деля печаль своих господ,
Их кони с рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ход,
Они <...> спотыкались,
И леность их преодолеть
Ни шпоры не могли, ни плеть.

Когда же в комнате дежурной
Они сошлися поутру,
Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.

Тут было шуток, смеху было!
И право, Пушкин наш не врет,
Сказав, что день беды пройдет,
А что пройдет, то будет мило…

Так повесть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами,
А вы не можете ль, друзья,
Нравоученье сделать сами?..

Примечания

Печатается по «Библиогр. запискам» (1861 г., № 20, стлб. 653—658), где поэма была впервые опубликована П. А. Ефремовым с некоторыми купюрами и неточностями.

Автографы и авторизованные копии поэмы не сохранились. Единственный дошедший до нас список О. И. Квиста (ИРЛИ, оп. 2, № 78) весьма неисправен. Список, по которому впервые напечатал поэму П. А. Ефремов, также не сохранился, однако в бумагах Ефремова имеется копия с этого списка (ИРЛИ, оп. 4, № 25, лл. 110—113). На основании этой копии вносятся поправки и дополнения в текст настоящего издания.

По сообщению Н. О. Лернера («Литературное приложение» к «Ленинградской правде», 1928, № 185, 11 августа), в списке, принадлежавшем С. А. Андреевскому, после строки

Прыг, прыг!.. и были таковы…

вместо точек имелись следующие строки:

Так, силой вражеской гонимый,
В кипящий Тибр с мечом в руках

Прыгнул Коклес неустрашимый
И тем прославился в веках.

Поэма датируется 1836 годом. В списке О. И. Квиста рядом с заглавием имеются следующие пометы: «30 августа» и ниже (под ней): «19 сентября» (пометы перечеркнуты). По-видимому, эти даты обозначают время написания поэмы. Такое предположение поддерживается содержанием поэмы (в поэме описывается приключение, которое произошло летом во время лагерных учений), а также воспоминаниями В. П. Бурнашева (в данном случае, по-видимому, вполне достоверными), где указывается, что поэма написана в первой половине сентября 1836 года («Русский архив», 1872, № 9 стлб. 1779—1781).

Монго — прозвище Алексея Аркадьевича Столыпина (1816—1858), двоюродного брата матери поэта и его близкого товарища. В 1835 году по окончании школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров Столыпин был выпущен в лейб-гвардии гусарский полк, где служил вместе с Лермонтовым (об А. А. Столыпине и его отношении к Лермонтову см.: «Лит. наследство», № 45—46, 1948, стр. 749—754).

Маёшка — фамильярное прозвище Лермонтова

по имени популярного в те годы карикатурного типа французской сатирической литературы Mayeux (о происхождении этого имени см.: Е. П. Ростопчина. Записка о М. Ю.Лермонтове — в кн.: Е. Сушкова, Записки. Л., изд. «Academia», 1928, стр. 346. См. также: П. Н. Сакулин. Лермонтов-Маёшка. Известия отд. русск. языка и словесн. имп. Академии наук, 1910, т. 15, кн. 2, стр. 62—72).

В поэме описывается поездка Лермонтова и Столыпина к балерине Е. Е. Пименовой на дачу, находившуюся на Петергофской дороге близ Красного кабачка (См.: А. Меринский. Библиографические заметки о Лермонтове. «Библиогр. записки», 1859, № 12, стлб. 373; М. Н. Лонгинов. Заметки о Лермонтове и о некоторых его современниках. «Русская старина», 1873, № 3, стр. 381—384).

В некоторых изданиях сочинений М. Ю. Лермонтова «Монго» безоговорочно относят к числу так называемых «юнкерских поэм» и в зависимости от типа издания печатают эту поэму вместе с «Гошпиталем», «Уланшей» и «Петергофским праздником» или вместе с перечисленными выше поэмами исключают ее из собрания сочинений Лермонтова.

Отнесение «Монго» к «юнкерским поэмам»

неточно уже потому, что это произведение написано Лермонтовым через полтора года после окончания юнкерской школы. Юнкерские поэмы были написаны для рукописного журнала «Школьная заря» и представляют, по-видимому, плод коллективного творчества, причем доля участия Лермонтова в создании этих поэм не известна; все эти поэмы были подписаны псевдонимом «Гр. Диарбекир» (смысл этого псевдонима не известен). В отличие от «юнкерских поэм» «Монго» несомненно целиком написан Лермонтовым. В списке О. И. Квиста имеется помета: «Было подписано: “корнет Лермонтов”»